

Николай Петрович Вагнер

Люций Комоло

Содержание

I.....	.0004
II.....	.0007
III.....	.0011
IV.....	.0014
V.....	.0017
VI.....	.0021

Н. П. Вагнер
ЛЮЦИИ КОМОЛО

В древних землях, на границе Азии и Европы, жил-был, в оно время, в одном городке мудрец Люций Комоло. Он был не очень стар годами, но очень мудр, и народ считал его магом.

И действительно, Люций узнал многое таинственное и наконец дошел до таких странных понятий, что дух, существующий в каждом человеке, сильнее во сто крат его хрупкого, бренного тела.

Дойдя до этого знания, он старался применять его к разным случаям жизни и прежде всего пользовался им как средством излечения.

— Дух наш, — говорил он, — сам должен лечить наше тело. Мы только должны стараться дать ему больше простора и освободить его, насколько возможно, от влияния нашего тела.

И он лечил хромоногих, слепых, сухоруких и всяких больных и недужных. С раннего утра вокруг его дома собирались целые толпы народа. Люций Комоло прикладывал к боль-

ным руки, и больные исцелялись. Исцелялись преимущественно те, которые верили в возможность исцеления.

Были и такие, которые верили в эту силу, но говорили, что эта сила бесовская и что в ней нет святости.

Другие говорили: что вам за дело — свята она или нет? Только бы помогала и лечила.

Но все эти другие сильно боялись бесов и уходили дальше от лечения Люция Комоло.

Слава о лечении Люция шла по всему свету, и с дальних сторон приходили странники или приезжали богачи на лошадях, осликах и верблюдах, даже на буйволах и зебрах, так как Люций Комоло жил как раз в том месте, где Азия связывается с Европой и Африкой. Это был общий узел, соединявший три больших материка.

Но Люций Комоло не остановился на лечении — он хотел доставить людям всякие удобства и наслаждения.

— Если дух излечивает тело, — говорил он, — то он должен и поднимать его. Если тело сильнее духа, то оно должно держать его постоянно привязанным к земле, а если дух

сильнее тела, то он должен отрывать его от земли, поднимать и носить по воздуху.

Дойдя до этой мысли, он стал испытывать силу своего духа, и для того, чтобы этой силе было больше простора, чтобы она не была связана телом, он стал истощать, обессиливать это тело. Он спал очень мало и съедал в день только несколько зерен риса, запивая их чистой водой. По целым дням и ночам он стоял на большом камне, взобравшись на его вершину.

Проходили недели и месяцы. Тело его таяло, как тает зажженная свеча чистого, ярого воска. Он думал, что он наконец поднимется в воздух и сольется с ним всецело и нераздельно. Он не знал, поднимется ли он на воздух или нет, но он верил, крепко верил, что он полетит по воздуху, как летают птицы.

Слух об излечениях, которые производил Люций, дошел наконец до ассурского монарха Арамиза.

У этого могущественного и богатого царя была дочь Гамата — девушка 15 лет, болевшая чуть не с самого ее рождения болезнью, которую не могли вылечить никакие доктора, маги и чародеи.

И царь послал к Люцию целый караван под начальством своего любимого полководца Анизана. — Мертвого или живого, — наказал он Анизану, — но ты должен привести ко мне этого мудрого мага. — И Анизан отправился.

Посланные нашли Люция в глухом лесу стоящим неподвижно, как статуя, на камне и простирившим руки и глаза к небу. Стали звать его, но он не слышал зову. Он весь был погружен в созерцание неба и был как бы мертв.

Тогда начальник каравана сказал бывшим с ним:

— Влезьте на камень и спустите мудреца

на землю.

Они влезли на камень, сняли с него Люция и бережно снесли его и положили на землю; а начальник каравана громко и величественно сказал ему:

— Меня прислал за тобой ассурский царь — Арамиз, и ты должен сейчас же отправиться вместе с нами, ибо дочь его — царевна Гамата — опасно больна.

Но Люций ничего не мог ответить ему. Он лежал, как мертвый, и глаза его были закрыты.

— А! — сказал Анизан, — ты не слушаешь своего повелителя. Ей! Вылейте же на него целый ушат воды из холодного ключа.

Тотчас же стражники принялись исполнять приказание начальника. Они принесли воды из горного, как лед, холодного ключа и вылили эту воду на Люция. Но на него не попала ни одна капля, а вся вода разбрызгалась во все стороны и измочила тех, которые выливали ее на Люция; а он продолжал лежать, как мертвый, с закрытыми глазами.

— А! — сказал Анизан, рассерженный тем, что не может заставить Люция проснуться. —

Вода на тебя не действует, так мы попробуем огонь.

И он велел разжечь железную полосу и приложить к пяткам Люция.

Тотчас же разложили тут же костер, накалили, разожгли докрасна железную полосу и начали прикладывать ее то к той, то к другой пятке Люция. Но каждый, кто брался за это дело, тотчас же чувствовал в собственных пятках нестерпимую боль, жжение, как будто к ним прикладывали накалившее железо.

Анизан совсем вышел из себя.

— Вы все только притворяетесь и морочите меня! — вскричал он. — Смотрите сюда!

— И он схватил раскаленную полосу и приложил ее к пятке Люция, но в ту же секунду страшно закричал и отбросил полосу.

Тогда один, уже седой стражник их каравана сказал:

— О! Могучий повелитель, зачем мы напрасно будем мучить себя. Посидим в молчании некоторое время, и он, наверное, очнется; будем все желать, чтобы он проснулся.

Анизан и все бывшие с ним послушались этого совета; уселись в кружок около Люция и

стали молча ожидать пробуждения, и все желали, чтобы он пробудился.

Прошло полчаса, и Люций действительно проснулся, приподнялся, открыл глаза и, сидя, изумленно смотрел на всех присутствующих...

Когда ему объяснили, зачем послан к нему караван, то он, нимало не колеблясь, молча собрался и отправился с караваном к царю ассурскому Арамизу.

Царь тотчас же велел привести к нему Люция и сказал:

— Вот у меня дочь больна. Она с малолетства испорчена. Вылечи ее, и я дам тебе то, чего ты хочешь.

— О! Государь, — сказал Люций, — я ничего не хочу иметь, а чего я хотел бы иметь, ты не можешь мне дать.

Арамиз изумился.

— Чего же ты хочешь и чего я не могу тебе дать? — спросил он. — У меня много золота и драгоценных камней. Хочешь ли, я тебе отдам одну из богатейших моих провинций...

— А можешь ли ты мне дать простор и свободу? — спросил Люций.

Арамиз изумился еще сильнее.

— Какой же тебе нужен простор? — спросил он.

— Простор пространства и всего существу-

ющего.

Но Арамиз все еще не понимал, чего хочет мудрый мудрец, и смотрел на него с недоумением.

— О великий монарх! — сказал Люций. — Твои посланные нашли меня стоящим на камне, за великим подвигом. Я понял, что дух, обитающий в человеке, стеснен и связан его земным телом. Мы все прикованы к земле и к земным утехам. Чем меньше в нас будет желать и действовать тело, тем сильнее и свободнее будет наш дух. Я истощал, обессиливал тело, но до сих пор еще не дошел до того состояния, когда дух мой поднимет мое тело и будет носить его по воздуху, И мне будет отрадно. Я мечтал и о том, чтобы передать то, что я узнал, всем людям, моим братьям. Я мечтал, что можно будет наконец слиться со всем окружающим, с воздухом и светом... И вот на этой трудной задаче застали меня твои посланники... Когда я буду подниматься на воздух, то передо мной будут уменьшаться все поля, леса и горы — все представится мне мелким и ничтожным, и наконец сама земля представится мне в виде громадного шара,

висящего в воздухе. Мой дух вознесет меня выше всего самого высокого на земле. Вот почему все земное мне представляется мелким, ничтожным, суетным и бранным.

— Ты ошибаешься, — сказал резко царь Арамиз. — Есть вещи на земле, которые драгоценны для сердца человеческого, и я теперь жажду, чтобы ты скорее возвратил драгоценное здоровье моей прекрасной дочери, царевне Гамате, которую я так люблю... Иди к ней. — И он указал ему на дверь.

И все придворные повели его к царевне Гамате.

IV

Она лежала на мягких, пушистых шкурах юл-барсов и лисиц. В ее комнате, с низкими сводами, было сильно накурено разными благовонными куреньями и было нестерпимо душно.

Бледная, исхудалая царица мучилась злым недугом, который истощал ее силы.

Маленькая комната была полна ее прислужницами.

Люций велел всем оставить комнату, а двум стражам стоять у дверей и никого не впускать. Потом он подошел к ложу, на котором лежала царица, и спросил ее:

— Веришь ли ты, царица, в силу духа духов и в силу собственного духа? Если ты веришь, то мне будет нетрудно исцелить тебя. Если же не веришь, то мой собственный дух прежде всего должен побороть твое неверие.

— Я верю! — сказала Гамата.

Тогда Люций у ее ложа опустился на колени на шкуру нубийского льва и громким голосом, воздев руки кверху, начал читать такую молитву:

— О дух великий! Дух высший и вечный. Дух всех миров. Дух неба и земли! Дух, обитающий в небесных пространствах и в недрах земных. Дух, живущий в недостижимых глубинах вселенной и в сердцах всех людей; дух, владеющий делами, волей и всеми помышлениями людей. К тебе прибегает всякая плоть, созданная тобою; к тебе обращаются мудрые и простые. К тебе стремится всякое дыхание, ибо в тебе начало и конец жизни, всего существующего и сущего в пределах земных и небесных. В тебе источник всякой жизни и блага. Оком милостивым, благим и премудрым взгляни на создание твое и исправь всю правду твою, ибо все исшедшее из тебя справедливо и верно. Темная сила и неразумие наше темнит свет твоей справедливости и покрывает пороками, бедами, несчастиями бессильную жизнь человека. Да привлечет милость твою вид страдающей юницы. Дух всех духов! сострадающий к страждущему, да умилосердится глубина твоя и исправит поврежденное...

И в то время, когда Люций воссылал к Духу духов это моление, неизведанная и непости-

жимая сила веры творила ее дело. Гамата приподнялась на ее ложе. Что-то сильное и крепкое проникло и разлилось по всему ее телу. Жар обхватил ее сердце, и крепость утвердила все ее члены. Сама не своя, как бы во сне, она встала с ложа, поднялась, шатаясь, сделала несколько шагов и пала на колени подле Люция.

— О! Дух духов! — говорила она, вместе с Люцием подняв дрожащие руки и стремясь и душой и сердцем к Тому, кого призывала... И слезы неудержимо лились из ее глаз.

Люций быстро поднялся с колен и, обернувшись к Гамате, все еще стоявшей на коленях, положил обе руки на ее голову.

— Да хранит тебя, — сказал он, — благодетель всего живущего, всего доброго и любящего. Да отринет Он от тебя всякое зло и беды, всякое горе и несчастье. Гамата со слезами на глазах слушала это благословение. Ее сердце трепетало и наполнялось чувством, которое тянуло ее неодолимо куда-то вдаль, ввысь — к небу и звездам...

По дворцу Ассура быстро разнеслась весть, что царица Гамата выздоровела. Все дивились ее быстрому выздоровлению. Все спешили поздравить ее — и все обратились с просьбой к Люцию, чтобы он вылечил их больных. Но Люций сказал, что излечивающая больных сила не в его власти, чем все просившие опечалились, а многие даже разгневались.

— Вот! — говорили они, — дочь царя, так он мог вылечить, а наших больных не хочет.

А царь Арамиз снова обратился к нему с предложением награды за излечение его дочери.

— Проси, — говорил он, — чего хочешь, ибо я все могу дать тебе.

И снова Люций сказал ему:

— Дай мне простора и свободу. В твоём дворце я связан. Мне нет нигде покоя. Одни кланяются и лебезят передо мной, другие смотрят на меня с завистью и готовы растерзать меня. Пусти меня в мою пустыню, а быть во дворце я не могу.

— Хочешь, я дам тебе богатую землю на правом берегу Ходжасана. Там ты построишь себе хороший дом-дворец и будешь жить в покое и довольстве. Тебе будут служить множество слуг. Я подарю тебе десять красивых невольниц и три больших золотых блюда.

— О государь! — сказал Люций. — Все земные богатства и утехи для меня ничтожны.

Я бегу от людей, бегу от мира. У меня одна надежда впереди — унести из этого мира на невидимых крыльях моего духа.

Сурово посмотрел на него Арамиз и подумал: «Это просто безумный».

И ему было крайне неприятно, что этот убогий мудрец отверг его богатое предложение.

Между тем тучи собирались над головой Люция.

Придворные врачи нападали на лечение Люция. Они все единогласно заявили Арамизу, что болезнь Гаматы неизлечима, а теперь какой-то чужеземец вдруг вылечил ее неизвестными им приемами, и они все кричали о нем, как об ужасном шарлатане. К ним присоединились жрецы. Они почуяли гибель в уче-

нии, которое проповедовал Люций.

— Как! — говорили они, — мы молимся нашим богам, а он проповедует какую-то ересь и молится какому-то Духу духов.

И они нашептывали Арамизу, что такое непочтение к богам может навлечь гнев их на все царство.

— И соберутся все окружающие его соседи, — говорили они, — и пойдут все войной на нас, и все жители царства должны будут погибнуть.

Арамиз испугался. Он посадил Люция в высокую башню и приставил крепкий караул к той комнате темницы, в которой он жил.

А в народе шли волнения, поддерживаемые жрецами.

Одни говорили: сила Люция нисходит с неба, потому что он излечивает больных, слепых и хромых.

А другие говорили: нет, он излечивает силой бесовской.

И составился большой заговор, чтобы его убить. Заговор шел от придворных и поддерживался жрецами.

Одни говорили, что Люций может летать

по воздуху, а такая сила дается только с неба.

Другие говорили, что его носят невидимые бесы и что он летает с помощью бесовской силы. Но никто не видал, как он летает.

Около той башни, в которой он был заключен, постоянно толпился народ. Одни смотрели на маленькое окно его темницы, как на окно, из которого исходит святая, врачующая сила. Другие громко кричали, что его надо убить, казнить, уничтожить.

VI

Так прошло более месяца. Местами вспыхивали частые волнения. Одни говорили, что он, Люций, святой, другие ругали его имя.

Много раз ему в его пищу или питье тайно вливали яд, но он ничего не пил и не ел, и по целым дням и ночам, когда умолкали крики вокруг его башни и наступала ночная тишина, он молился не переставая Духу духов.

Пошел другой месяц. К Люцию привыкли — и ждали.

И всего больше волновалась, любя его, царица Гамата.

Раз в глухую, темную ночь она, накрывшись фатой, отправилась в башню, где содержался Люций, в сопровождении одной из прислужниц. Оба стража были усыплены сонным зельем. Прислужница несла ключи от темницы Люция. Она отперла тяжелые двери, а Гамата вошла в крохотную комнату, в которой томился и молился Люций.

Когда Гамата вошла, то Люций поднялся с колен и низко поклонился ей, а Гамата упала на колена и поклонилась ему до земли.

— Святой мой и сильный силою духовною!.. — сказала она. — Научи, как мне спасти тебя. Стража твоя спит... Двери твоей темницы отворены... Иди на свободу... За оградой ждут тебя добрые кони и верный проводник... До света вы будете уже за гранью царства Асура...

Но Люций покачал головой.

— Нет, царица, — сказал он. — Это будет злое дело... Я спасусь, а погибнут те, которым повелено сторожить меня... Мы судим по нашим мелким, ограниченным понятиям о воле великого духа, и судим неверно и несправедливо. Если премудрый дух судил мне погибнуть, то я должен погибнуть...

Но Гамата, увлекая его за собой, так как она была гораздо сильнее его, вскричала:

— Идем! Идем! Желанный мой!.. Человек только тогда рассуждает правильно, когда ничто его не стесняет... Когда он рассуждает на свободе, а не в темнице.

Они спускались медленно, осторожно. Она увлекла его из душевной каморки башни и начала опускаться по высоким и изломанным каменным ступеням.

И чем ниже спускались они, тем яснее и яснее разливался свет утра, так как солнце уже восходило и заря обхватила восток. А снизу доносились до них грозные крики. Народ уже толпился вокруг башни.

— А!?! Вот он! — редела толпа. — Вот он!.. Чего же еще надо?! Улики налицо... Он хотел бежать... Он хотел увести царскую дочь Гамату...

И толпа окружила и схватила их.

— Ты видишь... — прошептал Люций, — какова воля великого духа!

А толпа волновалась... сверкали мечи и кинжалы. Подстрекали жрецы и все злые люди...

Они схватили Люция и Гамату и повлекли снова наверх, на самый верх башни, а в той башне было без малого 300 локтей вышины.

— Мы сбросим их с башни, — кричала толпа. — Он умеет, говорят, летать по воздуху. Пусть полетит с изменницей Гаматой, обманувшей ее отца. Пусть оба летят.

И они с криком и гамом влекли их выше и выше... Но в этой суматохе никто не заметил, как вдруг исчезла Гамата. Ее труп нашли на

другой день у подножия башни.

«Люди, — думал Люций, когда толпа влекла его на казнь. — Я любил вас... я желал вам добра... больше... О! Гораздо больше, чем самому себе... Но да свершится воля великого Духа духов...»

Его привели на верхнюю платформу башни. Сильный ветер ревел и рвал со всех одежды.

— Бросай его!.. — кричала толпа. — Бросай, мы увидим, как он полетит.

Все бросились к парапету, толкая и тесня друг друга.

— Ну! — кричали одни. — Полетай теперь... Бесы тебе помогут. — И они раскачали его и бросили за парапет.

Но сила духа поддержала его тело и подняла его. Несколько секунд он оставался, вися неподвижно в воздухе. Затем медленно безостановочно начал подниматься с протянутыми кверху руками...

Взошло солнце и осветило эту сцену.

Все бывшие на башне как бы окаменели. Одни упали на колени, другие простирали к небу руки и били себя в грудь. Третьи обрати-

лись к жрецам, которые стояли тут же в белых одеждах. Они схватили их и с диким хохотом бросали с башни.

А Люций тихо, медленно, торжественно поднимался, — солнце освещало его фигуру, которая казалась в темно-синем небе маленькой, светлой звездочкой. Она как бы таяла, таяла в небе и наконец совсем исчезла из глаз...